

Северное сияние в Кызылкумах

От Анатолия Борисовича Чубайса я часто слышал о спортивных экспедициях по бездорожью в разные экзотические уголки планеты и даже смотрел видеофильмы о путешествиях в Центральную Африку или Монголию, когда бывал у него в гостях. Если смотреть хорошо смонтированный фильм, возникает полное ощущение "клуба кинопутешествий" — сразу представляешь себе интереснейшую туристскую поездку, где взору все время открываются новые прекрасные виды, а ты сам лихо преодолеваешь препятствия на настоящем внедорожнике и чувствуешь себя немножко первооткрывателем... Очень красиво и очень заманчиво! Находясь под воздействием кино в таком эмоционально-возбужденном состоянии, я несколько раз говорил Анатолию Борисовичу, как хотелось бы участвовать в такой экспедиции. И вот как-то в марте, буквально через пару дней после покушения на главу РАО ЕЭС, мне позвонили из приемной Чубайса и сообщили, что Анатолий Борисович хочет со мной поговорить. Я, естественно, думал, что речь пойдет о прошедших неприятных событиях, тем более что на эти события отозвался и дал небольшой комментарий "Независимой газете". Вместо этого Чубайс сказал мне, что приглашает в экспедицию в Узбекистан.

Я очень обрадовался, хотя об Узбекистане мало что помнил — точно знал только, что там есть Аральское море. Но воображение уже рисовало дивные картины, как я кручу баранку спортивного джипа, овеваемый теплым ветерком пустыни, и один великолепный кадр сменяет другой.

Подготовка к экспедиции началась с того, что мне вручили список необходимого личного снаряжения. Надо сказать, что список этот уже начал вызывать некоторую тревогу, потому что помимо знакомых и естественных вещей — майка, рубашка, брюки, фонарь, — вдруг появились такие пункты, как "легкое термобелье для квадроциклов" или "мультиинструмент". Упоминалось еще много незнакомых мне вещей, но особенно меня озадачило, что после пункта "термобелье для рафтинга" в скобках было написано: "выдавалось в прошлом году". В конце этого странного списка было рекомендовано "по всем вопросам обращаться к Александру Давыдову". Я немедленно к нему обратился. Саша Давыдов оказался легким контактным человеком и спортсменом, гонщиком, который блестяще владеет искусством преодолевать самые сложные внедорожные маршруты и противостояние незнакомых людей, будь то

таможенники, пограничники или продавец на бухарском рынке, торгующий керамикой ручной работы. Он и был спортивным и административным руководителем грядущей экспедиции.

Все "творческое руководство" осуществлял Михаил Анатольевич Абызов — человек разнообразнейших дарований: человек-оркестр, человек-электростанция, человек-понятие. И понятие это наиболее точно сформулировал наш главный начальник Чубайс. Он поэтично и образно изложил мне подробности биографии Михаила Абызова в области большого бизнеса, большого спорта, большого искусства кино- и фотосъемки, не говоря уже о достижениях Михаила Анатольевича в деле создания семьи — его жена Катя, одиннадцатилетний сын Данила и только что родившийся Никита требуют отдельного и подробного повествования. Букет талантов и возможностей Абызова Чубайс определил одним словом: "абызовщина".

Художественная идея Абызова заключалась в прохождении самых разных участков маршрута на самых разных средствах транспорта и НЕ транспорта. В Узбекистане обещали сплав по горной реке на плотах, прохождение пещеры, куда можно было спуститься только на веревках, форсирование дюн в пустыне на джипах и пробивание дороги в горах на квадроциклах.

Возникает извечные вопросы "кому это нужно?" или "зачем искать себе приключений на одно место?".

Мы все чем-то занимаемся, кто бизнесом, кто культурой, но за нашей суетливой, хотя и полезной деятельностью, теряется изначальный смысл существования на этой земле. "Земле" в данном случае в самом буквальном значении: "земля" как почва, "земля" как грунт, как то самое твердое, отделенное от жидкого и газообразного, на котором ты стоишь. Поэтому, мне кажется, очень правильно не только вспоминать о том, что ты оттуда возник и туда уйдешь, лежа на крымском или турецком берегу... не просто ощущать, что ты живешь в конкретном городе или идешь по конкретному полю, а оказаться в таких местах, где ты можешь сказать: я стою на планете Земля, я стою на земном шаре. Забегая вперед, скажу, что во время экспедиции мне это удалось.

Полное ощущение тебя и этой планеты — никого и ничего больше...

И тогда не возникает вопросов, почему именно в это место ты должен был попасть и почему именно этой дорогой, точнее, этим бездорожьем...

Мы прилетели в Ташкент ночью, и наш конвой сразу двинулся за город. Конвой, как я узнал, совсем не обязательно должен конвоировать

и охранять. Это слово значит движение людей или одинаковых транспортных средств друг за другом через равные расстояния.

Я был в экипаже с Анатолием Борисовичем, за рулем в тот день сидел он, а я водрузился в штурманское кресло. Быстро пролетели освещенные проспекты, улицы и пригороды Ташкента, и совсем скоро наши джипы остались единственным источником и носителем света. Дорога пошла по очень сложной горной местности и, глядя перед собой, я не понимал, как машина может это пройти. То есть я понимал, что она не может это пройти. Впереди виднелись каменные глыбы, скалы, склон, по которому машина должна просто скатиться вниз... Но машины почему-то шли и шли по почти вертикальному склону, и меня просто вдавливало в кресло... Я окончательно убедился, что если начало пути такое непростое, то впереди нас ждет отнюдь не прогулка... Это чувство усугублялось еще и тем, что после перелета я был очень расслаблен — мы летели спецрейсом "со всеми удобствами" — прекрасный салон, прекрасная компания, замечательная еда, кино на большом плоском экране, в общем, все радости жизни на борту. У меня было чувство, что я уже в раю и лечу в некий дополнительный рай...

И тут такой контраст.

Прямо в аэропорту замечаешь напряженное недоброжелательное отношение к людям из России. Это проявляется, в основном, у тех, кто наделен хоть какой-то властью — паспортный контроль, таможня. Бесконечно разглядывают, проверяют, тормозят...

А когда наш конвой из семи серебристых спортивных джипов, увешанных "люстрами" и всевозможными прибабасами, раскрашенных надписями "ТРАНСУЗБЕКИСТАН 2005", колонной двинулся по трассе, буквально через триста метров возникли узбекские гаишники. Впоследствии оказалось, что автоинспекторов в Узбекистане чрезвычайно много: такое ощущение, что население разделилось строго пополам — на автоинспекцию и остальных. Очень долго у Саши Давыдова, который как спортивный руководитель экспедиции шел во главе колонны, проверяли письма, документы, карту маршрута... Наконец разрешили ехать. Через километр нас снова остановили, и снова Саша предъявил им целый ворох бумаг и разрешений, с которыми автоинспекторы знакомились подробно и придирчиво. Такие остановки ждали нас буквально на каждом посту милиции, но постепенно мы стали замечать, что времени на объяснения с представителями власти Саша Давыдов тратит все меньше и меньше. На очередном посту Саша просто приоткрыл окно, сказал что-то автоинспектору, тот отдал честь, и мы поехали. Анатолий Борисович даже связался с ним по радиации, чтобы узнать, что все это значило. Саша ответил:

— Мы нашли универсальную формулу общения с автоинспекцией.
— Какую?
— Теперь, как только они подходят, мы говорим: "Международная экспедиция, с министром согласовано".

И все.

Правда, через три или четыре дня пути один из местных гаишников все-таки заинтересовался:

— С каким министром?

Саша отреагировал очень быстро:

— С вашим министром.

Самый любопытный из узбекских автоинспекторов оказался этим ответом вполне удовлетворен.

Той ночью мы шли по горам, пересекали под очень острым углом наклон руслу горных рек, заваленные каменными глыбами, и, наконец, остановились в первом лагере. Там уже работала группа подготовки: в непроглядной темноте фонариками светились палатки, и было очень красиво. Где-то совсем рядом шумела горная речка. Все, кроме ночного дозора, быстро разошлись по палаткам и уснули.

Утром я встал очень рано, ощущая при этом, что отлично выспался. Единственное, что меня несколько беспокоило ночью — это громкий храп, который раздавался из соседней палатки. Я даже решился сделать замечание Чубайсу, но не успел, потому что он вышел мне навстречу и сразу же сказал:

— Слушайте, вы так храпели всю ночь!

— Странно, — удивился я, — я только что хотел сказать вам то же самое...

— Да? Значит, это было горное эхо вашего храпа...

Вид, который предстал передо мной, был в буквальном смысле невысказанным. Ровное зеленое плато, очень тепло, а вокруг горы со снежными вершинами, метрах в десяти от лагеря горная река, мощная и небыстрая, уже потерявшая свою стремительность. А с другой стороны — отвесные скалы, на которых наши спелеологи и альпинисты готовили тренировку по прохождению пещеры.

Тренировка началась. В юности я немного занимался альпинизмом в Крыму, куда мы ездили из Одессы, хотя это, скорее, была пародия на альпинизм... Практически я впервые осваивал эту очень сложную технику. Нас тренировали специально приглашенные два чемпиона мира. Один из них носил очень подходящую для альпиниста фамилию Провалов.

Надо сказать, что в спортивной подготовке всех превосходил Данила Абызов — одиннадцатилетний сын Миши и Кати. Данила поразил меня тем, что в свои одиннадцать лет он лихо водит джип, гоняет на мотоцикле и квадроцикле, и скалы ему нипочем. То есть стало совершенно очевидным, что во второй половине жизни поздновато уже начинать прыгать по горам и пытаться опуститься в пещеру. И, тем не менее, я научился и спускаться, и подниматься. Чтобы научиться делать это хорошо, нужно было бы, наверно, тренироваться все десять дней, отпущенные на экспедицию. Поэтому, освоив самые необходимые навыки, я решил следующий день посвятить освоению квадроцикла.

Мы переехали в другой высокогорный лагерь, и там уже стояли девять квадроциклов и четыре или пять мотоциклов — до сих пор не могу понять, как их туда заволокли. Там были сопки, и если в первом лагере все вокруг казалось красивым, домашним и туристическим, здесь уже с самого начала стало страшновато: пройдешь десять метров, и там пропасть, поедешь в одну сторону — обрыв, поедешь в другую — можешь нарваться на сильный камнепад. Словом, опасности подстерегают со всех сторон. Наш экипаж № 1 прибыл в лагерь одним из первых, и мы с Анатолием Борисовичем решили сразу заняться квадроциклами. Впервые я очень подробно облачился во все доспехи — это оказалось невероятно сложно — и только потом понял, насколько это необходимо! Мне казалось, что это все-таки немножечко маскарад: чтобы было красиво, чтобы быть похожими на настоящих автогонщиков... Ничего подобного!!! Очень важно правильно надеть подшлемник, шлем, налокотники, наколенники... очень хорошо, что мне нашли сапоги, которые вообще... железные. Ну иначе их никак определить нельзя...

Потом, когда меня привезли сильно побитого, Володя Платонов, о котором я чуть ниже скажу самые восторженные и пламенные слова, снял с меня эти сапоги, носки оказались порванными просто в клочья... А сапоги целы. Я так и не смог понять, что же такое надо вытворять ногами, чтобы привести носки в такое состояние... ощущение было, будто кто-то специально рвал их, как газету, на мелкие-мелкие кусочки...

Я впервые сел на квадроцикл. Управление этим средством перемещения далось мне довольно быстро — это несложно, — но столь же быстро я ощутил и его коварство. Коварство заключается в том, что тормоз находится на ручке газа. И поэтому когда ты сжимаешь тормоз, одновременно инстинктивно подворачиваешь газ, тормозишь и в это же время прибавляешь скорость... Во всяком случае, у меня так получалось. К тому же

нужно научиться чувствовать себя с квадроциклом единым целым: непрусто новичку находить баланс, чуть больше перевес вправо или влево — и ты падаешь. Единственное, что меня радовало, что падал я не один. Тот же Володя Платонов сел на квадроцикл, и через две минуты мы увидели, как с противоположной горы, переворачиваясь через себя, летит эта четырехколесная махина, а параллельно с ней так же кувырком летит Платонов... Поразительно, что эти квадроциклы практически не бьются: то есть у людей могут быть серьезные ушибы и переломы, а им хоть бы что... Ну, может быть, царапина или ссадина...

Сев на квадроцикл, я взлетел на какой-то пригорок и увидел, что навстречу движется на мотоцикле Анатолий Борисович Чубайс. В эту секунду я осознал, что столкновение неизбежно, но он каким-то невероятным рывком в сторону меня обошел... А я вместо того чтобы выехать на некую плоскость, неожиданно оказался на очень крутом спуске и понял, что это конец. Что сейчас я разобьюсь. Я мчался вниз и видел перед собой большую яму. Точно, конец! Хотел затормозить, но по неопытности вместо того чтобы нажать на тормоз, стал прибавлять газ. И это, как выяснилось, меня спасло. Чубайс потом рассказывал, что он был потрясен таким мастерским преодолением препятствий. Тормозить стал бы дилетант, а я, прибавив газу, пролетел над коварной ямой, приземлился на другом пригорке и молодежато въехал в лагерь, затормозив возле палаток. Внутри было ледяное ощущение ужаса, трагедии, смерти...

Ко мне стали подходить ребята и спрашивать, откуда у меня такие замечательные навыки... Я сразу вспомнил историю про Михаила Ромма, который во время съемок фильма запустил в клетку со львом артиста Черкасова. Тот легко погладил зверя по загривку, все это сняли и все стали спрашивать Ромма: "Как вы могли?!! Слушайте, это же тренировки, это же должна быть особая психологическая установка!" — "Да нет, — ответил Ромм, — просто у этого артиста нет воображения!"

У меня до того момента тоже не было воображения. Я не знал тогда всего коварства этого квадроцикла.

Почти в это же время Анатолий Борисович на мотоцикле лихо преодолевал сложнейшие подъемы и спуски, и я стал с завистью за ним следить. И тут произошло вот что. На гребне подъема, когда Чубайс очень сильно разогнал мотоцикл, я вдруг увидел, почти в замедленной съемке, что мотоцикл его высоко взлетел и в этот момент, как в космическом корабле, произошло отделение тела Чубайса от мотоцикла. Мотоцикл полетел дальше, а Анатолий Борисович остался на мгновение в воздухе и рухнул на землю. Произо-

шло это в какие-то доли секунды. Все побежали вызволять его из этой ситуации и действительно вызволили. Надо отдать должное Чубайсу — он не подал вида, что с ним что-то произошло, и только потом выяснилось, что он очень сильно ушиб колено и... часть спины... совсем нижнюю часть спины...

Через пару дней мы оказались в Самарканде, в частной гостинице, то есть в цивилильных условиях. Пропыленные и пропотевшие, все, естественно, сразу полезли в душ и потом встретились за ужином. Анатолий Борисович как-то загадочно спросил у меня:

— Скажите, вы смотрели на себя в зеркало?

— Ну да, я сейчас брился, конечно, смотрел...

— Нет, а целиком вы себя осматривали?

— Не-ет...

— А я осмотрел, — задумчиво сказал Чубайс.

— И что?

— Увидел, что сбывлась мечта всего российского народа — Чубайсу хо-рошо отбили задницу!

Но здесь я опять забегаю вперед.

А пока в лагерь подтянулась группа, которая тренировалась в пещере, и на следующий день решено было попытаться "пробить горы".

На 29 апреля по графику экспедиции был назначен "старт квадратного маршрута", и в скобках: сложный горный off-road. Но я не осознавал, насколько он сложный и насколько горный. "Пробить горы" означает проложить маршрут до следующего лагеря по прямой, через горные вершины, скалы, там, где никто никогда не проходил.

Мы встали утром и стали облачаться: возникли все эти многочислен-ные "над" и "под": коленники, локотники; наключичники, щиты на грудь, белье опять же "на" и "под"... Шлем, подшлемник. Очки, рация. Было ощущение, что летим в космос.

...Мы шли по сложнейшему маршруту. Потом говорили, что это "четыре с плюсом". Для сравнения: финал чемпионата мира — шестая категория сложности. Мы поднялись на высоту 800 м, периодически на разных уровнях возникали пастухи со стадами — как они туда пробираются, я себе не представляю! Саша спрашивал у них, можем ли мы пройти дальше. Старики пастухи совещались и говорили, что нет, нельзя: "Тропинка есть, я могу пройти, ишак может пройти, твой машина не может пройти..."

Но мы упорно пробивали горы.

В этот день я окончательно убедился, насколько важна психологическая установка.

Передо мной все время ехал Данила Абызов — мальчик, который с квадроциклом сжился, как с частью своего тела. Он ехал просто, как на трехколесном велосипеде, легко, глазел по сторонам, и я все время недоумевал, как же так?! Я, толстый противный дядька, боюсь повернуть голову вправо или влево, а мальчик едет на этой махине как ни в чем не бывало!!! К слову сказать, смотреть по сторонам было очень страшно — справа я видел обрыв, и когда туда срывался камушек, становилось понятно, что это не обрыв, а бездна...

Я упал. Совсем чуть-чуть, летел всего метра два-три, ударился спиной и почти что на меня приземлился квадроцикл. Лежу на спине и поддерживаю его ногой. 650 килограмм. Подбегает Миша Абызов, который шел за мной, и я понимаю, что сейчас наступит освобождение из этого металлического плена. Вместо этого Миша кричит: "Вася! Скорее сюда! Здесь очень хороший кадр!".

Вася был врачом нашей экспедиции. И по совместительству оператором. Сперва он меня отснял, потом вместе с Мишей они сняли с меня квадроцикл. И стали потихоньку проверять целостность рук и ног. Все оказалось целым...

Мы поднимались все выше и выше в горы. Прошли высоту 1300 метров, поднялись на несколько сот метров, и ужас все больше и больше сдавливал мне грудь. Очередной пастух со стадом сказал, что уже НИКУДА нельзя пройти — это предгорья Тянь-Шаньского хребта, и все-таки Саша Давыдов взревел своим квадроциклом и повел нас дальше. Мы взлетели на плато, со всех сторон окруженное пропастью. Куда оттуда можно было пройти или даже как развернуться и спуститься назад, я не понимал. А все почему-то понимали. Все нормально...

Мы идем дальше вверх. В определенном месте Саша останавливает конвой, поднимает глаза к небу и начинает шевелить губами. "Молится, — подумал я, — значит, дела совсем плохи". Саша переводит взгляд на монитор навигатора, снова смотрит вверх и еще раз на монитор... Оказалось, он сверял данные компьютера с положением спутника в небе — самые точные данные навигатор выдает, когда спутник пролетает непосредственно над местом действия, и Саша тщетно пытался определить, где находится. Не увидел, наверно, потому что четко и определенно произнес: "Нет, не проходим, нужно возвращаться".

Буквально метров через триста падает и выворачивает себе ключицу Саша Чикунов, один из заместителей Чубайса, мастер спорта по каким-то единоборствам — открытый, легкий и, как оказалось, легко ранимый. Еще

через десять минут начинается бешеный град, подобного которому я никогда раньше не видел — с неба летели камни. И их удары были ощутимы даже невзирая на нашу космическую амуницию.

Дорога, по которой мы идем, — так называемая "полка", на которой снег и камни. Слева отвесная скала, справа обрыв. Ширина полки максимум три метра, и плоскость ее наклонена к скале. Для того чтобы ровно держать квадроцикл, нужно все время свешиваться в сторону ущелья, а подсознание требует прижиматься к скале. Но это значит — упасть...

Мысли мои зациклились на одном: никакой больше экспедиции НИКОГДА!

Небольшая остановка, мы перекусили и подпитались волшебной "живой" водой, которая была у всех в рюкзаках за плечами, и действительно восстанавливала силы.

Дорога уже чуть-чуть подсохла после града. До лагеря оставалось совсем немного, и тут я увидел солидную рытвину. Решил притормозить, прижал ручку тормоза и в это же время прибавил газ... Дальше — "жизнь моя, иль ты приснилась мне"! Секунды, когда ты быстро-быстро вспоминаешь все, что в этой жизни с тобой случилось.

Подробности мне рассказывали.

Я помнил только то, что увидел пропасть. Что лечу туда на квадроцикле. Похоже, уже в бессознательном состоянии я развернул квадроцикл прямо в воздухе и оттолкнулся от него ногами. Подлетев на несколько метров, я бабахнулся об скалу всей своей мощной грудной клеткой, а квадроцикл при этом, продолжая работать, скатывался назад, плавно устремляясь ко дну ущелья.

Моя красивая красно-бело-зеленая рубашка оказалась как будто простреленной из пулемета — это были следы от острых камней. Первая мысль после "приземления" была про квадроцикл: грохнется он на меня или нет? В какие-то доли секунды я сообразил, что, слава богу, он пролетел мимо. А вторая мысль была такая. Когда я уезжал, Миша Али-Хусейн, режиссер нашего театра и мой товарищ, все время твердил: "Ты уезжаешь, напиши завещание!". Клянусь, что вспомнил Али-Хусейна!!!

Еще я прочувствовал, что медальон с именем и фамилией, который надели мне на шею перед стартом, — я тогда недоумевал, зачем? — очень, очень полезная вещь... Через пару лет по нему легко опознали бы мои останки, найденные на дне ущелья...

Потом я повернул голову и глянул вниз. Квадроцикл, скатившийся туда, казался маленьким-маленьким, как крохотная игрушечная модель...

Конечно же, весь конвой остановился. Рядом оказались Вася, Миша, Саша, начали меня щупать и о чем-то спрашивать. Кажется, что-то вкололи, причем пытались сделать укол в вену, но я сопротивлялся и говорил, что мне не надо вообще ничего и все нормально. У артистов часто бывает такое — они могут сломать во время спектакля руку или ногу и доиграть его до конца, не подозревая, что их персонаж по всем медицинским показаниям не может нормально двигаться... Говорят, что и у хоккеистов, и у других спортсменов такое бывает. В состоянии предельного напряжения с человеком много что бывает...

Кто-то вовремя вспомнил, что у нас есть контрольное время прибытия в лагерь, и к этому времени обязательно нужно вернуться. Мой квадроцикл достали со дна ущелья — Саша Давыдов и его напарник каким-то хитрым способом спустились и вывезли это четырехколесное чудо, с которым ровным счетом ничего не случилось. Я снова сел в седло, и через десять минут мы въехали в лагерь. Тут я понял, что почти мертв, и рухнул в палатку.

Володя Платонов, как оказалось, действующий боевой полковник ФСБ, предельно осторожно снял с меня "доспехи". Я был очень удивлен: у меня было здорово разбито все тело, но ни одно его движение не причинило мне боли. Потом уже я спросил у Чубайса, как Володе это удается, и Анатолий Борисович объяснил, что Платонов не раз привозил из Чечни тяжелораненых солдат, и кому как не ему знать, как отзывается каждое прикосновение к простреленной, раздробленной, растерзанной плоти...

И вот этот суровый полковник абсолютно поразил меня тонким юмором, благороднейшими манерами и великолепным голосом! Он так замечательно пел под гитару Окуджаву, Галича, Визбора, что я начал всерьез уговаривать его выйти на сцену нашего театра.

Пошел дождь, стучал по крыше палатки. Я не очень понимал — это на самом деле или снится. И еще всю ночь перед глазами стояла картина маленького квадроцикла на дне ущелья. Такой психический штамп.

Наутро Чубайс рассказал о разговоре с моей женой Мариной. Я ушел спать в палатку, а он остался в машине: за штурманским сиденьем был оборудован деревянный ящик, любовно прозванный "гробиком", выстланный внутри спальниками, а сверху прикрытый выгнутым листом тонкой фанеры. Предназначался он для отдыха в пути, но Чубайсу там так понравилось, что он часто спал в нем и ночью. В ту ночь его разбудил звонок мобильного телефона, как выяснилось, моего, потому что я оставил его заряжаться от аккумулятора, хотя шанс оказаться в зоне действия се-

ти был очень невелик. Он посмотрел на аппарат, увидел, что на экране высветилось имя "Марина" и ответил. Марина услышала не мой голос и тут же забеспокоилась:

— Анатолий Борисович, что с Иосифом?

— С ним все нормально, у нас тут дождь сильный идет... Он спит в палатке, это я вот лежу в гробике...

В этот день мы должны были сплавать по горной реке — это называется рафтинг. Болело все, и в рафтинге, к сожалению, я участвовать не мог, но не раз уколотый, обрызганный заморозкой, постоянно жующий какие-то таблетки, залез в кресло джипа, пристегнувшись всеми возможными ремнями. На водительское место сел номер первый нашего экипажа, тоже еще ощущавший последствия падения с мотоцикла. В описании маршрута переезд из лагеря к месту сплава был обозначен как "легкая горная дорога". Не могу сказать, что я был с этим согласен: местность оказалась сильно пересеченной, приходилось переезжать небольшие горные речки, то и дело попадались неровности и кочки, и даже в прекрасном супермегатехнологичном кресле, умеющем принимать форму тела при любом незначительном повороте, ушибленные ребра и прочие части организма давали о себе знать.

Что меня поражало — это как среди многочисленных "природных объектов" Саша Давыдов умудрялся находить дорогу. Ты едешь и видишь воочию: дальше дороги нет, дальше река или каменные глыбы, или скала, или какой-то непонятный ров — проехать невозможно, но он с упорством вожака стаи, знающего все секретные тропы в джунглях, вел конвой в нужном направлении. Я понимал, что в машине у него навигатор, работающий через спутниковую связь, но все равно это было непостижимо.

Сплавом по реке Ангрене руководила команда из Нижнего Новгорода — абсолютные профессионалы в этом деле. Сперва мы долго смотрели, как наши товарищи облачаются в надежные водонепроницаемые костюмы и садятся на плоты и в байдарки, потом совсем не быстро пошли параллельно реке и вскоре добрались до подвесного мостика, который сильно раскачивался, и казалось, вот-вот сорвется и упадет в бурный поток. На этом мостике мы ждали ребят, которые в ледяной воде боролись с сумасшедшим течением, чтобы запечатлеть в кадре прохождение порогов. Мне казалось, что скорость передвижения по реке должна быть равна скорости течения, но убедился, что это не так. Всего 8-10 километров в час... Так что ждать пришлось долго. Анатолий Борисович по чудовищно острым и скользким камням спустился с фотоап-

паратом вниз, прямо к реке. Первой из-под моста выскочила байдарка, в которой оказался наш врач-оператор Вася. Лихо подрулив к берегу, он распаковал камеру, и уже два объектива следили за тем, как люди на плоту работали веслами, пытаясь противостоять водно-каменной стихии горной реки. Стоя на мостике, я вдруг подумал, что даже на экране смотреть это будет жутковато — ощущение опасности в записи лишь слегка притупится, но не сотрется.

Чуть позже мы оказались в прекрасном месте, где река входила в плавное течение. Во дворе на берегу были накрыты столы, нас ждала узбекская еда и зеленый чай. Светило белое солнце пустыни, под навесом было прохладно, и после нескольких напряженных дней все быстро расслабилось. Начались неспешные разговоры, в том числе о театре и актерах, и я неожиданно так увлекся, что прочел почти полноценную академическую лекцию по теории режиссуры... К счастью для всех, неумолимый график удержал меня от того, чтобы перейти к практике. Мы отправились в Самарканд.

30 апреля. Канун Пасхи. Мы ехали довольно долго и тяжело — все-таки 400 километров. На месте оказались часов в десять вечера и остановились в очень красивом доме. Мне сказали, что ночевать будем в гостинице, и я был уверен, что здесь мы ненадолго, а ближе к ночи придется переезжать. Тогда я еще не знал, что большинство частных гостиниц в Узбекистане — это большие жилые дома. Во дворе ко мне подошел человек, подвел к двери и сказал: "Вот ваш номер". Я вошел и оказался в чьей-то квартире. На крючках висели узбекские халаты, стояли чьи-то чемоданы, лежали вещи... Было полное ощущение, что за полчаса до нашего приезда человека, занимавшего эту комнату, попросили съехать ненадолго, потому что здесь должны переночевать гости... Зато очень порадовала удобная, широкая и только что заправленная чистая постель. Вторым приятным сюрпризом стало наличие душа, куда я немедленно и направился. Стоя под струей почти холодной воды — горячая почему-то не шла, — я слышал где-то рядом голоса и смех, было полное ощущение, что кто-то моется вместе со мной. Оказалось, что окно в ванной комнате открыто и выходит прямо во двор, где сидят люди и, не обращая на меня никакого внимания, ведут веселый разговор.

К ужину все вышли цивилизованными. Впервые с начала экспедиции мы цивилизованно сидели за большим столом и, встречая Пасху под крышей настоящего дома, вкушали настоящий плов, диковинную и очень вкусную конскую колбасу, всевозможные сыры, зелень, большие спелые

узбекские помидоры... Обещали принести еще лагман, но почему-то не принесли.

Наутро мы гуляли по Самарканду. Были в мавзолее Тамерлана, или, как называют его в Средней Азии, Тимура. Этот огромный дворец произвел на меня впечатление не как архитектурное сооружение, а, скорее, как свидетельство времени. Вот трон Тамерлана, строителя могущественной восточной империи, и именно на нем семьсот лет назад он сидел и думал царские думы. Здесь жили, там ходили... И чувствуешь это только потому, что много раз слышал о Тамерлане в раннем детстве или в школе на уроках, или еще в связи с чем-то. То же происходит, когда оказываешься в предгорьях Тянь-Шаня, у широкой реки Амударьи или в пустыне Кызылкум. Школьные абстрактные географические названия вдруг приобретают реальное воплощение, и ты осознаешь, насколько твои фантазии об этих местах многообразнее, ярче и любопытнее, чем реальность.... Вот оно перед тобой — место, занесенное пылью веков, хранящее память о грозных и великих временах, вот цветная плитка на дорожке, через трещины которой пробивается трава, и понятно, что не раз эту плитку пытались реставрировать, и уже неизвестно, как именно она выглядела во времена Тамерлана. Много декораций, много бутафории... Но место и воздух, и расположение звезд — те же... И это дает сильнейшее ощущение времени, истории, величавости и ничтожности всего земного одновременно.

Побывали в обсерватории Улугбека — очень интересное место... "Ушибленные" — то есть Саша Чикунов с поврежденной ключицей и я — подустали и сникли. Раны болели сильно. Решено было отправить нас в больницу на такси. Но 1 мая найти такси в Самарканде невозможно. Обнаружили "копейку", водитель которой согласился отвезти нас в главный травматологический пункт к самому главному врачу. Этой машине было лет тридцать, а рука человека касалась только ее баранки! И она все-таки ехала... долго... на другой конец города... по ямам и рытвинам... в сорокаградусную жару... без кондиционера...

То место, куда нас привезли, сильно напомнило мне послевоенное социалистическое одесское детство: полубараки с обшарпанными стенами и обвалившейся штукатуркой, пыльные стекла... Почему-то только один кусочек дома был аккуратно покрашен и возле него росли цветы. Очевидно, это был центральный вход, потому что на выкрашенной стене красовалась вывеска "Центральная клиническая больница города Самарканда. Травматологическое отделение". А над ней висела мраморная мемориальная доска с гордым барельефом какого-то человека. Текст гласил:

**"В этом доме
с 1957 по 1989 год работал
выдающийся узбекский травматолог
заведующий отделением
заведующий кафедрой Самаркандского медицинского института
академик Академии медицинских наук Узбекской ССР
член-корреспондент Академии медицинских наук СССР
Самуил Моисеевич Ройтман"**

Смеяться было физически невозможно, просто больно, и нас повели к тому, кто теперь занимал место академика Ройтмана. Это был настоящий узбек, при виде которого я все-таки засмеялся, несмотря на жуткую боль. Его широкая открытая улыбка живо напомнила мне историю, которую незадолго до этого рассказал Чубайс.

На первой полосе одной из очень желтых газет — может быть, "СПИДИНФО" или "ЖИЗНЬ" — появилась фотография огромного оскалившегося пса и заголовок: "Чубайс вставил своей собаке золотые зубы". В статье на эту тему подробно рассказывалось, как у собаки Чубайса заболели зубы, и ведущие специалисты одной из самых дорогих стоматологических клиник вживляли ей в пасть золотые имплантанты, а восемь охранников (по два на каждую лапу) в течение нескольких часов держали этого монстра...

Естественно, Анатолий Борисович рассказывал об этом шутя... Но два ряда золотых зубов узбекского доктора не были шуткой. Доктор — уважаемый человек, а чем больше в Узбекистане уважают человека, тем больше у него золотых зубов... Еще светило узбекской травматологии отличалось огромными размерами и не меньшей приветливостью:

— Ну, где эти русские, которые экспедиция? Сейчас будем лечить! — и он направился к нам с распростертыми объятиями и сверкающей золотом улыбкой...

В полной уверенности, что сейчас нас поведут на рентген, я спросил:

— Куда проходить?

— Ко мне проходить, — ласково сказал доктор и сжал меня огромными ручищами...

В глазах потемнело. Показалось, что я снова ударился о скалу.

— Что, больно? — спросил эскулап. — Это хорошо, есть трещинки.

— Может, все-таки рентген?

— Зачем рентген? Я сам рентген... Если больно, значит, есть трещинки. Но ребра не сломаны, просто трещинки.

Саша, который ждал своей очереди, загибался от смеха. Доктор ткнул ему пальцем в ключицу, сказал, что все хорошо, и мы можем идти.

— А сколько заплатить? — спросили мы, пытаясь отдать доктору специально выделенные на наше лечение деньги.

— Ничего не надо, — ответил золотозубый врач, и мы ушли.

Как только мы оказались на улице под мраморной доской, человек, который нас провожал до машины, попросил отдать деньги.

— Так доктор же сказал, что ничего не нужно!

— Это он вам сказал, ему у вас брать неудобно. Давайте мне, я ему отнесу. До сих пор пребываю в неведении: отнес или нет?

Мы еще успели догнать наших в городе и присоединиться к экскурсии на частную мельницу. Оказывается, когда в Узбекистан пришла советская власть, все частное, в том числе и мельницы, стали безжалостно искоренять и уничтожать. И люди, спасая свое имущество, засыпали песком целый квартал мельниц под Самаркандом... Арыки, в которые поступала вода из горных рек и крутила жернова, спрятали в трубы, и все это стояло курганами в степи с двадцатых годов до самой перестройки! Когда в конце восьмидесятых разрешили мелкое частное предпринимательство, вдруг выяснилось, что живы еще те, кто помнит, как молоть муку, и мельницы стали потихоньку откапывать и запускать снова... На одной из таких уже работающих мельниц мы познакомились с потрясающим хозяином-мельником. Он артистично перетряхивал зерна в большом сите, и после трех-четырёх взмахов рукой вся грязь и чернота, которая была перемешана с пшеницей, оказывалась сверху, и от нее легко можно было избавиться. Наши пробовали сделать то же самое, но ни у кого не выходило, так и оставалась в сите коварная смесь чистого и грязного... Вот уж поистине, не всем дано отделить зерна от плевел...

День отдыха в Самарканде подходил к концу и, чудовищно уставшие, мы пришли в частный дом, где во дворе нас торжественно встречал ансамбль народного танца. По движениям трех женщин было понятно, что основу ансамбля составляют местные повара, занимающиеся художественной самодеятельностью. Они были разочарованы, потому что собирались показать целый концерт, но сил наших хватило только на то, чтобы поздороваться и пройти в прохладную гостиную, куда принесли ужин. Хотелось попробовать лагман, нам обещали приготовить, но предупредили, что лагман — зимняя еда, а сейчас очень жарко. Изможденные жарой и перегруженные впечатлениями, все стали погружаться в дремоту. Рань-

ше всех заснул Чубайс — ему вообще свойственна гениальная способность быстро и крепко засыпать где придется и как придется. Мы решили не мешать и потихоньку вышли во двор. Выяснилось, однако, что народные песни и танцы предназначались именно для Анатолия Борисовича. Обнаружив, что большой человек из Москвы один лежит на подушках и, отвернувшись к стене, спит, местные акыны оскорбились и начали обиженными голосами петь громче и настойчивее, заглядывать в окна, яростно стучать в бубны, но... не тут то было!

Большой человек не просыпался! Мы немножко подождали и решили все-таки разбудить почетного гостя. Чубайс моментально включился, понял, что возникла какая-то напряженность, приосанился и, выйдя во двор, начал жать всем руки и благодарить дорогих узбекских друзей за гостеприимство:

— Спасибо! Великолепный обед! Все прекрасно! Благодарю!

Не дождавшись лагмана, мы организованной колонной покинули Самарканд и направились в Бухару. Переезд прошел без приключений, если не считать инцидента на узбекско-казахской границе.

Для того чтобы сократить путь и проехать по более прямой дороге, нужно было заехать в Казахстан и потом снова пересечь границу с Узбекистаном. И вот тут, на казахской границе, мы, уже привыкшие к постоянным остановкам на постах автоинспекции, задержались дольше обычного. Вокруг сновали пограничники со списками и документами, Саша Давыдов что-то долго им объяснял и жестикулировал, потом с Володей Платоновым они несколько раз подходили к нашей машине, переговаривались... Я расслышал слово "паспорт" и зачем-то полез в карман. Володя с досадой произнес:

— Да не в вашем паспорте дело!

А потом подошел к Чубайсу и сказал:

— Анатолий Борисович, вы не могли бы выйти из машины? Пограничники не верят, что это вы... Хотят удостовериться.

Чубайс вышел, и тут начался непонятный ажиотаж. Люди в форме и погонах целым подразделением направились к нему. Оказалось, они и вправду не верили, что живой Чубайс может сидеть за рулем автомобиля, но, убедившись в этом, радостно прибежали за автографами. А как только мы переехали границу, навстречу за автографами двинулись уже казахские пограничники...

Тут мне вспомнился анекдот эпохи застоя, который я рассказал Анатолию Борисовичу. Про то, как Брежневу захотелось покрутить руль, он посадил рядом охранника и на хорошей скорости выехал на шоссе. Гаишник

остановил машину, нагнулся к водителю и чуть не проглотил свисток от удивления... Отдал честь. От машины генсека уже и след простыл. Напарник милиционера поинтересовался, кто же там ехал, и тот, перепуганный насмерть, ответил: "Не знаю, кто это, но водитель у него — сам Брежнев".

Через день по графику водителем у меня был сам Чубайс!

В Бухару прибыли поздно ночью. Город необыкновенно красив, и в нем много удивительного. Почти в самом центре есть старый-старый пруд, вокруг которого растут огромные, в три обхвата, деревья. И почти у каждого дерева таблички с "годом рождения": 1285, 1347, 1514... Еще удивила открытая канализация. Улица, дома, современные вывески, тротуары — и вдоль тротуаров канавы со сточной водой. Наверно, обычное для Востока, но непостижимое и нелепое для меня сочетание пришедшей с Запада цивилизации и древних азиатских корней...

Обедали в доме бухарских евреев. Хозяин дома давно продал его, но о бывшем владельце говорило убранство: повсюду были заметны знаки иудаизма, а в восточные орнаменты на стенах вплетены шестиконечные звезды. Мы опять просили лагман, но нам его опять не принесли.

Следующим утром был дан старт "пустынному" участку маршрута. Два дня мы пробирались через дюны и барханы Кызылкума, и это было нелегким испытанием. Другие участники экспедиции уже имели опыт вождения в песках Африки и Монголии, я же до этого в пустыню ступал только одной ногой, то есть как турист у пирамид в Египте.

Нужно очень точно держать расстояние между машинами в конвое, чтобы не стукнуть впереди идущего при движении вниз по склону и не скатиться назад, когда поднимаешься вверх. При подъеме возникает иллюзия, что двигаться лучше чуть вкось, то есть по более пологой траектории, но в этом и заключается подвох — машина легко может перевернуться. Поэтому подниматься надо на пониженной передаче строго перпендикулярно высоте склона. В общем и целом, у меня получилось: всего пару раз не смог удержать машину и откатывался назад, и тогда наши спортивные руководители "вели" меня по рации: "Откат, еще откат... Переключай передачу... Газ! Подъем. Торомози! Стоп!".

Песок под шинами мог быть твердым, поросшим верблужьей колючкой, разветвленные корневища которой скрепляли песчинки в плотный слой грунта, или мягким, рассыпающимся, и тогда разной высоты дюны напоминали песочные часы — легко можно было представить, как песок перетекает через узкие впадины между ними, уменьшая одну и скапли-

ваясь возле другой, олицетворяя непрерывность бытия. От метафизических размышлений отвлекала необходимость все время быть начеку, чтобы не забуксовать и не увязнуть. В какой-то момент песок стал настолько вязким, что машины не могли сдвинуться с места, и тогда пришлось почти полностью выпустить воздух из шин. Казалось, что машины идут на ободах, но песок покорился, и мы безболезненно добрались до следующего твердого участка.

После первого дня в пустыне мы остановились на ночевку в лагере. Все очень устали и даже не хотели ужинать. Наскоро сообразили чай. Кругом темнота, лагерь освещался фарами джипов и квадроциклов. Я шагнул из этого небольшого освещенного круга во тьму и неожиданно испытал сильнейшее эмоциональное потрясение. Настолько мощным было небо, настолько яркими — звезды, что пространство вокруг казалось хорошо продуманной и мастерски сделанной декорацией. Постепенно мозг расшифровывал и укоренял в сознании эмоциональные импульсы: это земная твердь, это купол неба, это моя планета. Как будто мне объясняли это на лекции в планетарии... Я физически ощутил, что Земля — это сфера, а вселенная бесконечна. Самые банальные сравнения оказались совсем не банальностью: да, я — частица вселенной...

...В конце следующего дня лагерь разбили в потрясающем месте, у горячего источника. Занесенные песком и сильно пропотевшие на невыносимой жаре, мы с радостью кинулись в воду. Вода была действительно горячая — сорок градусов. Но нам было все равно: хотелось купаться, а самое главное, что у источника нас ждало холодное шампанское!!! В каком термосе Миша Абызов сохранил заготовленный лед, который не растаял за двое суток под палящим солнцем, я не понимал. И еще он выставил редкий, особой очистки и настойки самогон. Почему-то решено было сделать "северное сияние", то есть смешать шампанское с самогомом. Сорок три градуса в тени, которой нет, почти шестьдесят на солнце, сорок — в источнике, и северное сияние!

У воды стоял Володя Платонов, и у каждого выходявшего оттуда очень серьезно спрашивал:

— Ты в каких войсках служил?

Среди нас оказались танкисты, десантники, артиллеристы, ракетчики... И за каждый род войск Володя предлагал выпить "до дна и с уважением". Когда дошла очередь до меня, пришлось честно признаться, что я вообще не служил.

— А что у тебя в военном билете написано?

— Написано: "Райхельгауз. Рядовой необученный".

Володя с сочувствием протянул мне стакан:

— Тогда до дна и с уважением!

В лучах "северного сияния" мы обнаружили, что среди нас нет Чубайса. Он, как всегда, быстро уснул и на шум не реагировал. И очень удивился с утра, когда, проснувшись, не заметил в лагере никакой активности. Никто не готовил завтрак, не проверял машины... Мертвая тишина. Спали все. Анатолий Борисович решил наконец искупаться в источнике и выскочил оттуда даже не "как ошпаренный", а просто ошпаренный: никто не предупредил его, что температура воды сорок градусов...

Конечно, выехали мы с опозданием, но вовремя добрались до города Учкудук, где увидели знаменитые "три колодца". Многократно пропетая в уши песня сослужила дурную службу: представлялась широкая степь или пустыня, или долина, на горизонте которой виднелись очертания гор. В реальности Учкудук оказался унылым поселком, в центре которого громоздились бетонные кольца. Не то правда колодцы, не то памятник эпохи шестидесятых... В Узбекистане часто перемещения в пространстве превращались в перемещения во времени.

В Учкудуке перенос во времени удался по полной программе. Сильно проголодавшись, мы решили поесть прямо на местном рынке. Рынок — на Востоке, правда, все говорят "базар" — был невозможно грязным, к нашим джипам немедленно устремилась толпа местных любопытных безработных, наверно, в надежде что-нибудь заработать или выпросить. Оказывается, в поселке находится большой горно-обогатительный комбинат, который давно остановился, а люди остались... На рынке я обнаружил облепленные мухами и пчелами и давно забытые стеклянные колбы с газированной водой и сиропом, которая когда-то давно продавалась по три копейки... Внешность и одежда людей — абсолютно вне времени... никаких свидетельств произошедших за последние двадцать лет событий. Готовая натура для съемок исторически достоверного фильма о советской жизни конца пятидесятых.

Частью этой "натуры" был небольшой открытый павильончик, где подавали еду. Мы попросили лагман. Миша Абызов обучал официантов делать салат:

— Купите на рынке свежих помидоров! И огурцов! И зелени! Все тщательно вымойте, крупно порежьте и заправьте маслом!

Принесли салат. И суп. Не лагман, потому что его не оказалось, а что-то с горохом. Но вкусное. Ко всему этому на стол поставили самое европейское пиво, которое было в наличии в соседнем магазине, — "Балтика № 3".

...Пустыня кончилась, и мы вышли к большой полноводной реке. Мне сказали, что это Амударья. Далеко за рекой начинались предгорья.

Ночевка была в Ургенче, и там нас ждала самая цивилизованная гостиница. Это было приятной неожиданностью, потому что все вокруг было бедно, но чисто. Чистая бедность или бедная чистота. Как и во всем Узбекистане.

Наутро был недолгий переезд в Хиву — город, где древний центр с узкими улицами, лавками, мечетями сохранился в наиболее цельном виде. Всю первую половину дня мы гуляли по городу. Самые спортивные и бодрые товарищи залезали на каждый минарет и заходили в каждую открытую дверь. Мне не удавалось залезть всюду, потому что ушибленная грудная клетка все еще сильно болела, но зато мы с Чубайсом зашли в интереснейшую ковровую лавку. Перебрали десятки ковров, торговались, сбивали цену, но почему-то ничего нас не устроило. Тогда хозяин лавки сказал: "Я пойду в свою квартиру и сниму ковры со стены". Что удивительно, он и вправду пошел и принес два замечательных старых ковра. Было件нятно, что он взял их не со склада, не откуда-то еще, а именно снял со стены, потому что по краю были пришиты кольца... Мы снова яростно торговались, и я сбил цену вдвое!!! В результате с двумя коврами под мышкой вышли из лавки и я, ожидая похвалы, спросил у бывшего вице-премьера и министра финансов:

- Ну, как я торговался?
- На четыре с минусом, — "похвалил" меня Чубайс.

Это был наш последний день в экспедиции — Анатолий Борисович улетал по делам, я не мог пропустить важное мероприятие в театре 8 мая. К 16 часам мы должны были оказаться в аэропорту города Ургенча, где нас уже ждал самолет.

Мотор. Взлет. Мы сидим в самолете, тихо о чем-то говорим, что-то едим, немножко выпиваем... Усталость. Физическая и эмоциональная. Большая радость, что лечу домой. Большая радость, что побывал в экспедиции и прошел свой путь. Клонит в сон. Я ложусь на диванчик. Засыпаю крепко и быстро. Открываю глаза оттого, что диванчик подо мной вздрагивает. Такое ощущение, что я в комнате, только не понимаю, в какой. Окно круглое, и в нем много огней. Передо мной стоит красивая стюардесса и красивым голосом говорит: "Мы прилетели".

P. S. Хорошо настоящий лагман мы поели в Москве, когда вся команда встретилась после экспедиции в ресторане "Узбекистан".